

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-41-51

УДК 82-14

ТАЙГА КАК МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЗЕ А.М. БОНДАРЕНКО

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А.

Цель. Статья посвящена проявлению региональной идентичности в прозе писателей Красноярского края. Объектом рассмотрения стали повести, роман и рассказы А.М. Бондаренко, посвященные малой родине, предметом – образ тайги как важнейший маркер региональной идентичности.

Методология и методы проведения работы. Основу исследования образуют герменевтический, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты. В статье показано, что тайга как маркер региональной идентичности в прозе А.М. Бондаренко, с одной стороны, соответствует общепринятому представлению о Сибири, актуализируя дихотомию «своей – чужой», с другой – ее семантика определена спецификой местного региона.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе при чтении спецкурсов по региональной литературе.

Ключевые слова: дискурс; идентичность; тайга; дихотомия; региональная самоидентификация автора.

TAIGA AS A REGIONAL IDENTITY MARKER IN THE PROSE BY A.M. BONDARENKO

Zyryanova O.N., Bakhor T.A., Mazurova N.A.

The aim. The article considers regional identity in the prose of the Krasnoyarsk Territory writers. The object under consideration

is the stories, the novel, and the short stories by A.M. Bondarenko, devoted to the writer's native place; the subject under consideration is the image of taiga as the most important marker of regional identity.

Methods and methodology of the work. *The basic research methods are hermeneutic, structural semantic, comparative methods.*

The results. *The article shows that taiga as a marker of regional identity in the prose by A.M. Bondarenko, on the one side, corresponds to the common stereotype of Siberia, emphasizing the dichotomy of 'friend-or-foe', and on the other side, its semantics is defined by the specificity of the region.*

The sphere of the results appliance. *The results of the research can be used in the special education courses in regional literature.*

Keywords: *discourse; identity; taiga; dichotomy; regional self-identity of the author.*

Кризис идентичности, связанный с глобализацией, обусловил «идентичность места» как более значимую систему координат, та как она «может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символистские опоры» [10, с. 216]. По словам Б. Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему [16].

Пространственные маркеры становятся определяющими в характеристике «идентичности места». Близость к природе – одно из важных преимуществ жизни в Сибири, поэтому оказывает существенное влияние на формирование сибирской идентичности, «<...> природа при этом важна как сама по себе, так и в связи с культурой, когда территория неразрывно связана к культурной и духовной ценностью «своей земли» [1, с. 28].

Тайга как маркер региональной идентичности Приенисейской Сибири обозначена в работах по исследованию языковой картины мира [7, 12, 14], статьях, посвященных выявлению особенностей самоидентификации через лирический художественный

дискурс жителей данного региона [4, 8]. «Среди маркеров, воплощающих в поэтических текстах природу региона, необходимо, прежде всего, указать тайгу, которая в отличие от образа леса, встречающегося гораздо реже, выполняет более идентифицирующую функцию. <...> Образ тайги актуализирует в общей картине мира положительный имидж региона, акцентируя природность, естественность окружающей среды как экологически значимые свойства» [4, с. 111].

Почти все произведения А.М. Бондаренко, писателя Красноярского края, посвящены малой родине, ее природе, жителям. В.П. Астафьев в предисловии «Золотая россыпь» одной из книг писателя отмечает: «... о творчестве Алексея Бондаренко, енисейского охотника», акцентируя внимание на идентичности места, принадлежности малой родине и характере произведений – рассказов охотника-промысловика. Обращение известного сибирского писателя к воображаемому читателю: «... предлагаю побыть с охотником в приенисейской дивной тайге...» [2, с. 27], – также определяет локус приенисейской тайги как основной пространственной координаты прозы А.М. Бондаренко. Предметом рассмотрения в данной статье стал образ тайги как маркер региональной идентичности в таких произведениях А.М. Бондаренко как «Государева вотчина», «Шатун», «Маркелыч», «На промысел», «От самого Астафьева», «Случай в тайге», «Потерянная лыжня», «Малыш».

А.С. Янушкевич, определяя сибирский текст, указывает на историко-философскую и историко-культурную составляющую этого феномена, так как «... в процессе его описания и постижения сибирская – и шире русская – мысль пыталась осмыслить этот феномен на пересечении мифа и реальности, изнутри и извне, как определенную дихотомию» [15, с. 334]. С образом Сибири неразрывно связана прежде всего дихотомия «свой – чужой», на которой построены противоположные мифологические концепции о Сибири как «первозданном рае, обетованной земле» и «мире смерти, гибельном пространстве» [13]. Архетипическая оппозиция «свой –

чужой» проявляется во многих произведениях А.М. Бондаренко, но в большей степени она связана с исторической темой – освоением Сибири, временем прихода на ее земли русских служилых людей, что лежит в центре повествования в романе «Государева вотчина». Для пришлых людей тайга – «гиблое место», «глушь крошечная», «земля необетованная», «хмарь» [5]. Она «проверяет», и жестоко «испытывает» их на прочность, на возможность стать «своими». Так в начале повествования медведь, хозяин территории, заламывает казака, отделившегося от товарищей вглубь чащи, хозяин тайги, пренебрегшего простыми, суровыми условиями и правилами «места». В повести «Шатун» тоже медведь защищает тайгу от потребительского, варварского к ней отношения. В главе «Оборотень» описывается роковая встреча «хозяина тайги» с егерем Витюховским, которому чудится не медведь, а пропавший вздымщик Тимофей, обиженный егерем, в обличье зверя. Витюховский просит прощения у медведя-оборотня: «...Сам я стал, как пес паршивый, облик человеческий потерял. Жизнь проклятая заставляет крутиться: чем больше бегаю по тайге, тем приварка больше» [6, с. 117]. Образ медведя-оборотня, с одной стороны соотносим с мифологией народов севера о первопредке [11], поэтому потерявшийся, погибший, в тайге Тимофей принял внешний облик своего прародителя. С другой стороны, налицо парадокс: медведь «очеловечивается», «учит» слабого, грешного Витюховского нравственным законам, а человек теряет свой облик.

Образ медведя у А.М. Бондаренко – знаковый для тайги, для понимания ее законов, места человека в ней, что соотносится и с восприятием «малой родины» жителей Приенисейской Сибири, 16% опрошенных в анкетах при ответе на вопрос: «Какие ассоциации порождает у вас слово «Сибирь»?» написали медведя, при этом других животных названо не было [3].

Тайга в «Государевой вотчине» со временем открывается для пришлых людей с другой стороны: она не только учит их жизни в суровых условиях, но и становится привлекательной ее природа: «Помягчели их ретивые сердца, дух захватило от красоты и не-

имоверной силищи тайги» [5]. И тогда в дихотомии «свой – чужой» отношения меняются: для «чужого» тайга, а значит, и Сибирь становится вторым домом и они идентифицируют ее как русскую землю: «Это наша земля, русская» [5], – замечают герои. В повести «Шутун», повествующей о современной действительности, также тайга становится для приехавшего с Кубани Тимофея Верстакова родной: его, с одной стороны, тянет домой, к семье, с другой, – «давно приглянулись северные места», и разлука тяжела. То, что Тимофей так и не уезжает домой, «тайга не отпускает его», он теряется в тайге, превратившись, по мнению охотников, в медведя-оборотня, определяет его переход в «своего» для когда-то чуждой ему Сибири.

Образ тайги связан у А.М. Бондаренко с душевными переживаниями героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе Сибири (В.Г. Распутин, В.П. Астафьев). Для героя рассказов писателя – охотника-промысловика тайга, несмотря на жестокие законы, непредсказуемость и коварство – дом родной, она позволяет сохранить свое, личное, противостоять влиянию извне: «Здесь, в тайге, он был самим собой, таким, какой он есть, каким и должен быть свободный человек, зависимый лишь от обстоятельств: простым в обращении с людьми, чистым душой и открытым сердцем» [6, с. 110–111].

Сибирская идентичность проявляется в прозе писателя в особой близости к природе, мир тайги буквально «живет» в герое, заполняет его душу, тело, и разлука, расставание с ним – это тоже испытание, так как с этим связан мотив свободы, которая может исковеркать душу: «Уединенный, скрытный мир тайги еще долгое время живет во мне, медленно и трудно выходит, стараясь не ослабить тело, не исковеркать душу» [6, с. 315]. Разлука с тайгой подобна экзистенциальной разлуке с самим собой, и эта встреча может быть только временной, поэтому герой ищет в общении с природой то, что не может определить, «то, чего не терял» [6, с. 313]. Можно предположить, что это состояние поиска гармонии, которую сибиряку может дать только связь с природой.

В мифологии лес, тайга является материнским архетипом, так как она укрывает и защищает [10, с. 215]. Это смысловое наполнение образа характерно и для прозы А.М. Бондаренко. С одной стороны, у него тайга может быть «коварна», «своенравна», «непредсказуема», как женщина, она манит, не отпускает. Писатель сравнивает ее с девицей: «Смотрю на тайгу. С необъяснимой силой она снова потянула меня к себе, раскрылась просветами, загадочно улыбнулась золотыми лучиками в хвое, посвежевшая и помолодевшая, как девица» [6, с. 314]. С другой стороны, она выполняет и функцию женщины-матери, воспитывая, утешая, укрывая от мирских забот и проблем: «Разочарования тоже бывают... Вот тогда-то я снова, потеряв голову, бегу к тебе, тайга-утешительница, здесь скулю и плачу, жалуясь на судьбу, но крепчаю телом и духом» [6, с. 316].

Многозначное смысловое звучание образа тайги определяет двойственное самоопределение героя А.М. Бондаренко: с одной стороны, тайга делает его сильным духом и телом, способным выжить в суровых сибирских условиях, с другой стороны, она делает его слабым, так как он тоскует вдали от нее, теряя гармонию в душе, успокоенность.

Таким образом, анализ образа тайги в прозе А.М. Бондаренко показал, что данный маркер региональной идентичности реализует традиционное в фольклоре и литературе значение, включаясь в дихотомию «свой – чужой», а также определяет экзистенциальность звучания образа сибиряка, актуализируя не только такие качества, как суровость, стойкость, но и душевная ранимость, тоска по гармонии с природой, а значит гармонии с самим собой.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Анисимова О.А., Ечевская Е.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. НГУ, 2012. 176 с.
2. Астафьев В.П. Золотая россыпь // Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «Офсет», 2000. 528 с.
3. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 октября 2016 г., г. Казань). В 3 ч., Ч. 3/ Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 83–84.
4. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. Региональные гимны как форма актуализации основных маркеров идентичности в локальном тексте // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 105–119.
5. Бондаренко А.М. Государева вотчина: В 3 кн. Красноярск: Офсет, 1999–2005.
6. Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «ОФСЕТ», 2000. 528 с.
7. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: Дис. ... доктора филол. наук: Красноярск, 2005. 327 с.
8. Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
9. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. №3. С. 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (дата обращения 22.08.2017).
10. Жульен Надя. Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. 498 с.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: рос. энциклопедия. Т.2. С. 128–130.
12. Мамаева Т.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири

- // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 177–180.
13. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. №. 1. С. 27–35.
 14. Шмутьская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 67–69.
 15. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: сб. статей / Под. ред. О.Б. Лебедевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 334–345.
 16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: URL: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (дата обращения: 21 августа 2016 г.).

References

1. Anisimova O.A., *Echevskaya E.G. Sibirskaya identichnost: predposylki formirovaniya, konteksty aktualizacii* [Siberian identity: the prerequisites of formation, contexts of actualization]. NGU, 212. 176 p.
2. Astaf'ev V.P. Zolotaya rossyp [Gold placers]. Bondarenko A.M. *Lyubov i bol. Povesti i rasskazy* [Bondarenko A.M. Love and pain. Stories and stories]. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 2000. 528 p.
3. Bahor T.A., Zyrjanova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii nauchnogo razvitiya: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific-practical conference]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
4. Bahor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A. Regional'nye gimny kak forma aktualizacii osnovnyh markerov identichnosti v lokal'nom tekste

- [Regional anthems as a form of updating the main identity markers in the local text]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. 2016, no 3–2 (27), pp. 105–119.
5. Bondarenko A.M. *Gosudareva votchina* [Sovereign patrimony]: V 3 kn. Krasnoyarsk: Ofset, 1999–2005.
 6. Bondarenko A.M. *Lyubov' i bol'*. [Love and Pain]. Povesti i rasskazy. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 2000. 528 p.
 7. Vasil'eva S.P. *Russkaya toponimiya Prienisejskoj Sibiri: kartina mira* [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: picture of the world]. Krasnoyarsk, 2005. 327 p.
 8. Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindetifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2016, no 3–2 (27), pp. 120–134.
 9. Eremina E.V. *Regionalnaya identichnost v kontekste sotsiologicheskogo analiza* [Regional identity in the context of sociological analysis]. *Regionologiya*, no 3 (2011): 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (accessed August 22, 2017).
 10. Zhul'en Nadya. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Chelyabinsk: Ural LTD, 1999. 498 p.
 11. Ivanov V.V., Toporov V.N. Medved' [Bear]. *Mifyi narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia / S.A. Tokarev. M.: Ros. entsiklopediya. V.2, pp. 128–130.
 12. Mamaeva S.V. *Prieniseyskaya Sibir' kak lingvoregion* [Prieniseyskaya Siberia as a linguistic region]. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010, pp. 177–180.
 13. Tyupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury [Mythology of Siberia: to the issue of the 'Siberian text' of the Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2002, no 1, pp. 27–35.
 14. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. Otrazhenie territorial'noj identichnosti v pis'mennyh rabotah shkolnikov [Reflection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, V. 4, 2016, pp. 67–69.

15. Yanushkevich A.S. Dihotomiya sibirskogo teksta [Dichotomy of the Siberian text]. *Evroaziatskij mezhkul'turnyj dialog: «svoe» i «chuzhoe» v nacional'nom samosoznanii kul'tury* [Euro-Asian intercultural dialogue: “one’s own” and “another’s” in the national consciousness of culture] / O.B. Lebedeva (ed.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007, pp. 334–345.
16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> date of the (accessed August 22, 2017).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzyryanova@mail.ru

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zyryanova Ol'ga Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
onzyryanova@mail.ru

Bakhor Tamara Andreevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
tamarales@mail.ru

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Ph.D.in Philology, Associate Profes-
sor at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
nadezhda.mazurova.59@mail.ru